

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

UDC 811.161.1'255.2:821.112.2
LBC 81.411.2-7

Submitted: 29.08.2019
Accepted: 28.02.2020

**APPROXIMATING OR DISTANCING?
THE USE OF DEIXIS, ANAPHORA AND HISTORIC PRESENT
IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF “THE ADVENTURES OF TOM SAWYER”**

Anastasia V. Urzha

Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The research presented in the article focuses on the factors, which determine deictic and anaphoric shifts in Russian translated narratives. The phenomenon of systematic change of proximals (*here, now, this house*) to distals (*there, then, that house*) or vice versa, as well as omitting or adding these elements, has been explored in contemporary researches using translated texts corpora. Approximating or distancing trends have been revealed within a corpus of translations or individual translated versions. The article aims to determine the factors influencing deictic and anaphoric shifts in Russian translations of “The Adventures of Tom Sawyer” by Mark Twain. The analysis undertaken helped to reveal the following factors: the language factor (translators may use the deictic or anaphoric shifts to avoid incorrect constructions), the stylistic factor (translators prefer the elements that are widespread within a literary tradition), the strategic factor (a translator may apply an individual strategy to highlight the author’s authentic style). In Russian translations of the novel about Tom Sawyer the approximating trend is dominating: the deictic centre of the narrative gets closer to the reader. This effect is achieved by condensing the deictic proximals, substituting past verb forms by historic present and adding anaphoric proximals in the focalized fragments. These changes intensify the author’s original approximating strategy of the focalized narrative.

Key words: translation, deixis, anaphora, historic present, focalization, Mark Twain.

Citation. Urzha A. V. Approximating or Distancing? The Use of Deixis, Anaphora and Historic Present in Russian Translations of “The Adventures of Tom Sawyer”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

УДК 811.161.1'255.2:821.112.2
ББК 81.411.2-7

Дата поступления статьи: 29.08.2019
Дата принятия статьи: 28.02.2020

**ПРИБЛИЖЕНИЕ ИЛИ ДИСТАНЦИРОВАНИЕ?
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЙКСИСА, АНАФОРЫ
И НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
«ПРИКЛЮЧЕНИЙ ТОМА СОЙЕРА»**

Анастасия Викторовна Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В фокусе исследования – факторы, обуславливающие интерпретацию дейктических и анафорических элементов в переводном нарративе. Показано, что современные исследования обнаруживают в корпусах переводных текстов последовательные замены «приближающих» дейктиков и анафорических единиц на «дистанцирующие» или наоборот, а также вставки или изъятия соответствующих элементов; выдвигаются гипотезы о существовании тенденций к приближению или дистанцированию перспективы повествования по отношению к читателю (в пределах корпуса или отдельного перевода). Статья посвящена выявлению причин подобных изменений. С опорой на результаты анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» установлены три фактора, взаимодействие которых создает набор дейктиков и анафор в каждом из текстов: языковой фактор, побуждающий переводчиков к заменам элементов во избежание некорректных конструкций; лингвостилистический фактор, под влиянием которого предпочтение отда-

ется элементам, распространенным в данной нарративной традиции; фактор применения индивидуальной стратегии, акцентирующей особенности оригинала. В русских переводах романа о Томе Сойере перечисленные условия формируют ряд тенденций, среди которых доминирует приближение дейктического центра повествования к читателю. Оно реализуется посредством конденсации «приближающих» дейктиков, замены форм прошедшего нарративного формами настоящего исторического и добавления «приближающих» анафор в фокализованных фрагментах повествования. Эти изменения интенсифицируют авторские приемы организации субъективированного нарратива.

Ключевые слова: перевод, дейксис, анафора, настоящее историческое, субъективизация, Марк Твен.

Цитирование. Уржа А. В. Приближение или дистанцирование? Использование дейксиса, анафоры и настоящего исторического в русских переводах «Приключений Тома Сойера» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.7>

Введение

Системные исследования функционирования дейктических и анафорических элементов в переводных нарративах, совмещающие методы корпусного изучения материала и традиционного лингвостилистического анализа текстов, появились в первом десятилетии XXI в. и поставили ряд новых вопросов перед лингвистами и переводоведами. Каковы причины добавления и опущения дейктиков и анафорических элементов в переводе? Можно ли объяснить закономерности в этой сфере только различием языковых систем или основания нужно искать в различных традициях оформления нарратива? Насколько важную роль в изменениях дейктиков может сыграть осознанный выбор переводчиком определенной стратегии и его ориентация на конкретную целевую аудиторию? В данной статье с учетом гипотез, высказанных в новейших исследованиях в этой области, представлены ответы на каждый из перечисленных вопросов, основанные на результатах анализа русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера».

Материал и методы исследования

Кратко охарактеризуем теоретические основания, на которые опираются исследователи дейксиса и анафоры в переводах нарративных текстов, а также гипотезы, предложенные ими для проверки. Дейктические элементы (темпоральные, локативные и персональные) напрямую связаны с позицией говорящего или другого носителя точки зрения: в нарративе таким субъектом является повествова-

тель (к его позиции отсылает аукториальный дейксис: *Здесь я должен закончить свой рассказ*) или фокальный персонаж (на локализацию его точки зрения указывают элементы персонажного дейксиса: *Петя понял, что здесь ему не рады*). Любые дейктические элементы в нарративе выполняют важную прагматическую функцию – они актуализируют для читателя так называемый «дейктический центр» повествования (подробнее об этом см.: [Levinson, 1983, p. 64]), позволяя приблизиться к точке зрения того или иного текстового субъекта¹. Персонажный дейксис, введенный в третьеличное повествование, усиливает субъективизацию нарратива – сближение позиции нарратора и героя [Виноградов, 1971, с. 189]. Дейктические элементы традиционно противопоставляют анафорическим, отмечая, что последние лишь устанавливают связи внутри текста, отсылая к упомянутому ранее лицу, месту, явлению и т. п. (*Он уехал в деревню и там женился*), при этом в различных контекстах слова с указательным значением могут выполнять и дейктическую, и анафорическую функции [Падучева, 2018, с. 78–79]. Однако как среди дейктических, так и среди анафорических элементов выделяются слова с семантикой приближения или отдаления от говорящего (в зарубежной традиции используются термины «proximals» и «distals» соответственно). Хотя обе группы слов, как мы отметили выше, актуализируют точку зрения героя для читателя (то есть способствуют фокализации нарратива), далее их функции в тексте различаются: дейктики и анафоры первого типа приближают события к носителю точки зрения (*тут был стол, этот кувшин треснул*), тогда как слова вто-

рого типа дистанцируют описываемые факты и предметы от того, кто их воспринимает (*там был сад, тот дом перестроили*). То, что дейктические и анафорические элементы при переводе текста на другой язык могут различным образом изменяться, неоднократно отмечалось в классических трудах переводоведов и типологов (Дж. Кэтфорд, А.В. Федоров, У. Чейф, Т. Гивон, Я.И. Рецкер, В.Н. Ярцева и др.), а первое объемное корпусное исследование в этой сфере продемонстрировало распространенность таких изменений. Результаты этого исследования были опубликованы Я. Мейсоном и А. Шербан в статье “Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English” [Mason, Şerban, 2004]. На материале корпуса нарративных текстов (11 повестей и рассказов XX в.), переведенных с румынского языка на английский, авторы выявили и охарактеризовали последовательные изменения дейктических показателей, сопряженные с дистанцированием точки зрения на события. Основным предметом исследования стали указательные местоимения (*this / that, these / those* и их румынские эквиваленты), а также наречия (*here / there, now / then* и их румынские эквиваленты), формирующие оппозицию, обозначенную в статье как «приближающие / дистанцирующие дейктические элементы». На фоне этой оппозиции изучались также замены настоящего исторического на прошедшее нарративное в английских переводах румынских текстов.

Я. Мейсон и А. Шербан применили к выбранному материалу и методы корпусных исследований, и традиционный лингвостилистический анализ. В 11 выбранных ими типовых фрагментах текстов была обнаружена устойчивая тенденция к замене «приближающих» дейктических элементов на «дистанцирующие» (*this* на *that, now* на *then, настоящее историческое* на прошедшее нарративное и т. п.), опущению «приближающих» и добавлению «дистанцирующих» элементов². Авторы подчеркнули, что все обнаруженные замены не обусловлены расхождением языковых систем, переводчик в каждом случае мог сделать и другой выбор, но предпочел именно это решение. Результаты, полученные Я. Мейсоном и А. Шербан, имеют большой научный

потенциал, хотя некоторые аспекты использованной ими методики анализа представляются спорными: тексты переведены на английский язык румынскими переводчиками, то есть язык перевода был для них неродным; слова типа *then, that* имеют в английском языке целый ряд недейктических омонимов, что затрудняет интерпретацию статистических замеров; в работе нет четкого разграничения вторичного дейксиса и анафоры; опущение элемента может сопровождаться передачей смысла при помощи другого средства (артикуля, конструкции), что не учтено в анализе. Однако исследователи впервые объединили разные типы анализа дейктиков, проверяя статистические подсчеты разбором фрагментов текста, рассмотрели не только магистральные, но и противоположные тенденции в переводах, подчеркивая, что выбор дейктика – результат сложного процесса интерпретации перспективы оригинального текста переводчиком. Общий вывод Я. Мейсона и А. Шербан сводится к постулированию дистанцирующей тенденции, охватывающей все изученные переводы, но обусловленной не расхождением грамматических систем языков, а особенностями интерпретации нарратива при переводе с румынского на английский. По мнению авторов, предпочтение «дистанцирующих» элементов может быть связано с их большей распространенностью в нарративной традиции, немаркированностью [Mason, Şerban, 2004, p. 270, 274].

Опыт Я. Мейсона и А. Шербан был учтен другими исследователями. Опираясь на корпус голландских текстов и их испанских переводов, П. Гуталс и Дж. Де Вилде отметили, что этот материал не демонстрирует столь явной тенденции к дистанцированию (или, напротив, приближению) точки зрения на события. Однако для каждого из выбранных произведений авторы смогли обнаружить определенные закономерности в передаче дейктических смыслов, связанные с особенностями перспективы оригинального текста и переводческими приемами ее воссоздания [Goethals, De Wilde, 2009, p. 791–792]. Авторы выдвинули гипотезу о том, что важным фактором формирования «приближающей / дистанцирующей» тенденции может стать манера переводчика, его «прочтение» оригина-

ла, обусловленное спецификой перспективы произведения.

В современных отечественных исследованиях дейксиса и анафоры в переводных нарративах можно выделить два направления: это работы, в которых авторы фокусируются на проявлениях языковых различий при функционировании соответствующих элементов в текстах (О.Л. Муковский, Д.О. Добровольский и др.), и труды, в которых авторы обращаются к нюансам использования дейктиков и анафорических единиц в рамках конкретных оригинальных произведений и их переводов (О.Г. Мельник, В.А. Немкова и др.).

Основываясь на опыте проведенных исследований и на выдвинутых в них гипотезах, можно выделить три фактора, обуславливающие изменения дейктиков и анафорических элементов в переводах повествовательных текстов:

– расхождение языковых систем (невозможность использовать эквивалентный элемент в конкретном фрагменте текста);

– различие в лингвостилистических традициях оформления нарратива (эквивалент нельзя ввести ввиду его стилистической маркированности, нераспространенности и т. п.);

– реализация индивидуальной переводческой стратегии, основывающейся на интерпретации оригинального текста (ср.: [Мельник, 2017, с. 40–41]) и ориентирующей переводной текст на определенную (например, детскую) целевую аудиторию.

Эти факторы находятся в тесном взаимодействии, и их соотношение при создании конкретных переводных текстов недостаточно изучено. В данной статье представлены результаты сопоставительного анализа тринадцати русских переводов и оригинального текста романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера». В работе использован метод сопоставительного функционально-семантического анализа англоязычного текста и его переводов, при котором материал рассматривается в ракурсе интерпретации смыслов, заложенных автором текста, и функций, реализуемых задействованными им языковыми средствами. В исследовании комбинируются методики количественного и лингвостилистического анализа функционирования дейктиков и анафорических элементов.

Результаты и обсуждение

Специфика организации повествовательной перспективы в оригинальном тексте романа

Роман Марка Твена «Приключения Тома Сойера» не является третьеличным повествованием «в чистом виде»: значительная часть произведения представляет собой субъективированный нарратив, в котором изложение повествователя «охватывается личной точкой зрения» (выражение В.В. Виноградова) кого-то из персонажей: Тома, Гека, тети Полли, учителя воскресной школы, Бекки и др. Сюжетные коллизии, описания природы и быта подаются сквозь призму особенностей восприятия, эмоций, оценок, догадок и открытий героев. Такие смыслы реализуются при помощи целого спектра эгоцентрических средств языка (термин, введенный в русскую научную традицию Е.В. Падучевой [Падучева, 2018]), в том числе и дейктиков. Приведем пример из анализируемого романа:

(1) His soul was at peace, **now** that he had settled with Sid for calling attention to his black thread and getting him into trouble³. – **Теперь**, когда он рассчитался с предателем Сидом, указавшим тете Полли на черную нитку, в душе у него воцарился покой (пер. Н. Дарузес⁴).

Помимо субъективированных фрагментов третьеличного нарратива, в романе есть целый ряд вкраплений свободного косвенного дискурса, где реализуется тип ситуаций, которые описаны Е.В. Падучевой следующим образом: «персонаж “узурпирует” эгоцентрический пласт языка – как дейктическую, так и экспрессивно-диалогическую области», а на месте повествователя «возникает особая фигура ... 3-е лицо, которое обладает всеми правами 1-го» [Падучева, 2010, с. 337]. К такого типа ситуациям можно отнести, например, размышления Тома после ссоры с Бекки:

(2) Yes, it was settled; his career was determined. He would run away from home and enter upon it. <...> Therefore he must **now** begin to get ready. – Да, решено; он избрал свой жизненный путь. Он бежит из дому и начнет новую жизнь. <...> Значит, готовиться надо уже **сейчас** (пер. Н. Дарузес).

Наряду с персонажным дейксисом, активно используемым во фрагментах субъективированного нарратива и свободного косвенного дискурса, в романе есть и аукториальный дейксис, отсылающий к позиции создателя текста. При этом если персонажные дейктики наделены функцией приближения точки зрения героев к читателю, приобщения его к их мыслям и впечатлениям, то аукториальный дейксис, напротив, подчеркивает дистанцированность событий сюжета от момента повествования:

(3) For ten yellow tickets the superintendent gave a very plainly bound Bible (worth forty cents **in those easy times**) to the pupil. – А за десять желтых директор давал ученику Библию в простеньком переплете (стоившую сорок центов **в те блаженные времена**) (пер. М. Энгельгардта).

Дистанцированность эта не только временная, но и концептуальная – автор изредка напоминает читателю о фикциональности, условности повествования, создаваемого по воле фантазии:

(4) **We** will leave them to smoke and chatter and brag, since **we** have no further use for them **at present**. – Что же, оставим их ненадолго – пусть себе курят, болтают и хвастаются, **нам** они **пока** не нужны (пер. С. Ильина).

Итак, повествовательная перспектива романа довольно сложна: нарратив «расцветается» субъективными смыслами, связанными с персонажами, и читатель то оказывается невольным свидетелем событий сюжета, то узнает о сокровенных мыслях и эмоциях героев, то «слышит» обращенные к нему сентенции повествователя, который делится с ним воспоминаниями о прошлом и приглашает следовать далее по страницам романа. Зарубежные исследователи произведения привлекают для описания его перспективы представление о полифонии и концепцию двуглового слова М.М. Бахтина (см., например: [Lynch, 2006]), изучают специфические приемы представления точек зрения персонажей в контексте авторского изложения. Мощные тенденции к субъективизации текста влияют на прочтение романа переводчиками – они регистрируют этот авторский прием и стремятся воспроизвести его. Однако контекст

воспоминания, обращения к прошлому, наличие повествовательной рамки в романе тоже требуют полноценного отображения. Рассмотрим, как особенности оригинального текста воплотились в русских переводах.

Интерпретация аукториального и персонажного дейксиса в переводах романа

Приведенные выше русские переводы некоторых фрагментов оригинала показывают, что система языка представляет переводчикам полноценный репертуар средств, эквивалентных дейктикам оригинала. Однако, последовательно сопоставляя исходный текст с его русскоязычными версиями, исследователь заметит, что дейктические элементы могут как сохраняться, так и изменяться при интерпретации романа. Рассмотрим, в каких случаях происходят изменения и какие причины за ними стоят.

Тенденции, обнаруженные нами в переводах, различаются для аукториального и персонажного дейксиса. Аукториальные дейктики легко опознаются и адекватно интерпретируются переводчиками: эти элементы играют важную роль в конструировании нарративной рамки. Подчеркнем, однако, что они немногочисленны, поскольку повествование ведется от третьего, а не от первого лица. Персональный аукториальный дейксис (*I, me, us*) реализован всего в 7 контекстах, темпоральный (*at present, now – in those times, in those days, in that day, ago*) – в 11 контекстах. Русские переводчики не меняют значения этих элементов, «дистанцирующих» описываемые события от времени повествования о них, например:

(5) There was once a church choir that was not ill-bred, but **I** have forgotten where it was, **now**. It was a great many years **ago**, and **I** can scarcely remember anything about it, but **I** think it was in some foreign country. – **Я** видел однажды более благовоспитанный церковный хор, однако **теперь** уж забыл – где именно. С **той поры** столько лет прошло, что **я** почти ничего и не помню, – по-моему, это случилось **со мной** в какой-то чужеземной стране (пер. С. Ильина).

Зона персонажного дейксиса в романе гораздо более объемна (135 контекстов). Она

конструируется при помощи ограниченного, но весьма частотного набора средств, среди которых выделяются слова *here, now, tonight, at present*. Дейктики появляются во фрагментах, призванных привлечь наше особое внимание: это напряженно переживаемые героями значимые моменты сюжета. Функция таких элементов – повышение субъективизации повествования и приближение точки зрения фокального персонажа к читателю. В русских переводах соответствующих фрагментов количество «приближающих» дейктиков сохраняется либо увеличивается, переводчики «конденсируют» их, подчеркивая авторский прием:

(6) Bringing water from the town pump had always been hateful work in Tom's eyes, before, but **now** it did not strike him so. – **До сей поры** таскание воды от городского насоса неизменно представлялось Тому занятием пренеприятным, **теперь** же он увидел оное совсем в ином свете (пер. С. Ильина);

(7) This new interest was a valued novelty in whistling, which he had **just** acquired from a negro, and he was suffering to practise it un-disturbed. – **Сейчас** такой новинкой была особая манера свистеть, которую он **только что** перенял у одного чернокожего, и **теперь** было самое время без помех поупражняться в этом искусстве (пер. А. Климова).

Даже если фрагмент фокализован за счет других эгоцентрических средств (эмотивной и оценочной лексики, слов и конструкций, предполагающих наличие наблюдателя, и т. п.), переводчики регулярно добавляют в него дейктические элементы со значением приближения, подчеркивая и усиливая субъективизацию нарратива:

(8) She went to the open door and stood in it and looked out among the tomato vines and "jimpson" weeds that constituted the garden. No Tom. – Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на

пороге и обвела взглядом свой огород – грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и **здесь** (пер. Н. Дарузес);

(9) Tom chased the traitor home, and thus found out where he lived. He then held a position at the gate for some time, daring the enemy to come outside. – Том гнался за ним до самого дома и таким образом узнал, где он живет. **Тут** он постоял некоторое время у ворот, приглашая врага выйти (пер. М. Энгельгардта);

(10) Tom did play hookey, and he had a very good time. – Том и в самом деле не ходил **нынче** в школу и очень весело провел время (пер. К. Чуковского).

Вставка «приближающих» дейктиков в фокализированных фрагментах повествования обнаружена во всех русских переводах романа, однако частотность таких вставок различается: наиболее активно их используют К. Чуковский, С. Ильин и А. Климов. Общее количество основных дейктических элементов в их переводах превышает аналогичные показатели в других русскоязычных версиях (для подсчета были взяты 5 полных оцифрованных переводов романа) (табл. 1).

Фактором повышения количества «приближающих» дейктиков в версиях К. Чуковского, С. Ильина и А. Климова становится выбранная ими переводческая стратегия воссоздания перспективы романа: яркий авторский прием субъективизации, сообщающий повествованию дополнительную увлекательность, акцентируется, чтобы читатель испытал ощущение «погружения» в хронотоп повествования. Именно в упомянутых переводах романа мы наблюдаем и неоднократные замены «дистанцирующих» дейктических показателей на «приближающие»:

(11) Then Tom marched out of the house and over the hills and far away, to return to school no more **that day**. – Том, громко топая, покинул класс и на-

Таблица 1. Количество основных дейктиков в русских переводах романа

Table 1. The number of common deictic words in the Russian translations of the novel

Автор перевода	Дейктики							Итого
	Сегодня	Сейчас	Нынче	Теперь	Здесь	Тут	Вот	
Воскресенская С.	0	2	0	57	22	46	13	140
Дарузес Н.	1	9	3	62	11	32	20	138
Чуковский К.	4	10	4	65	10	41	32	166
Ильин С.	4	17	0	57	14	33	36	161
Климов А.	6	14	0	54	18	68	14	174

правился к холмам, а там и за них, решив, что в школу **сегодня** не вернется (пер. С. Ильина);

(12) In fact, everything seemed to be drifting just in the right direction, now; the treasure must be still in No. 2, the men would be captured and jailed **that day**, and he and Tom could seize the gold **that night** without any trouble or any fear of interruption. – Да, дела как будто складываются очень неплохо: сундучок, должно быть, до сих пор остается в номере втором, обоих негодяев поймут **сегодня** же и посадят в тюрьму, а **нынче ночью** он и Том без хлопот, никого не боясь, пойдут и захватят все золото (пер. К. Чуковского).

Слово *сегодня* является, по мнению Е.В. Падучевой, «первичным эгоцентриком», а значит, может появиться в третьеличном нарративе только в рамках свободного косвенного дискурса [Падучева, 2018, с. 47]. В оригинале исследуемого романа слово *today* в качестве персонажного дейктика не задействовано. Таким образом, именно зона свободного косвенного дискурса расширяется при переводческих изменениях.

Итак, аукториальный и персонажный дейкис воспроизводится в русских переводах романа по-разному. На наш взгляд, это различие связано с теми функциями, которые выполняют в романе слова, относимые к двум сферам: немногочисленные «дистанцирующие» аукториальные дейктики, связанные с ретроспективной рамкой повествования-воспоминания, воспроизводятся без изменений, тогда как «приближающие» персонажные дейктики возрастают в количестве, что может быть объяснено влиянием оригинального приема субъективизации, воссоздавая который ряд переводчиков конденсирует соответствующие средства в русских текстах. Увеличение количества дейктиков, замена «дистанцирующих» показателей на «приближающие», расширение зоны свободного косвенного дискурса в переводах становится частью индивидуальных переводческих стратегий.

Появление форм настоящего исторического в русских переводах романа

Повествование в романе ведется в прошедшем времени: задействованы английские формы Past Simple, Past Continuous и Past

Perfect. При этом и контексты свободного косвенного дискурса содержат только формы прошедшего времени или формы Future in the Past (эта нормативная характеристика, как отмечено Е.В. Падучевой, отличает англоязычный свободный косвенный дискурс от русской несобственно прямой речи, включающей формы презенса [Падучева, 2010, с. 343–350]). Обращаясь к истории развития английского нарратива, можно заметить, что использование настоящего исторического допускалось в повествовательных текстах и в XIX в., и в XX в., однако было ограничено по сравнению с русской стилистической традицией (F. Bjarling, R. Huddleston, G.K. Pullum). В конце XIX в. в русской литературе уже появлялись тексты, полностью или почти полностью оформленные в нарративном презенсе (например, «Шуточка» А.П. Чехова), тогда как в английской литературе эта форма оставалась ярким средством, «жирным шрифтом», чрезмерного использования которого советовали избегать [Royster, Thompson, 1919] (неслучайно и К. Гарнетт, и М. Фелл в начале XX в. перевели «Шуточку» на английский язык при помощи форм прошедшего времени [Urzha, 2016]). Различия лингвостилистических традиций оформления нарратива можно считать одним из факторов, обусловивших распространение презенсных форм в русских переводах романа М. Твена. Настоящее историческое в них появляется, конкурируя с прошедшим нарративным, в первую очередь в кульминационных фрагментах текста. Так, в версии Л. Гольдмерштейна формы презенса представлены в переводе фрагмента, где Том пытается скрыть от тети Полли, что он прогулял школу:

(13) Томъ **начинает** что-то **подозрѣвать** и **чувствует** себя не совсѣм ловко. Онъ **всматривается** въ лицо тети Полли, но оно ему ничего не **говорит**. Онъ **отвѣчает**... (пер. Л. Гольдмерштейна).

В переводе В. Исполатова при помощи форм настоящего исторического выделен момент неожиданного получения Томом награды в присутствии жителей всего городка:

(14) Въ тотъ самый моментъ, когда, казалось, была потеряна всякая надежда увѣнчать достойнымъ образомъ такое событіе... вдругъ **выступа-**

еть впередь Томъ Соьерь, держа въ рукѣхъ девять желтыхъ, столько же красныхъ и десять синихъ билетовъ и **требуеть** библию (пер. В. Исполатова).

Наиболее ярко тенденция к субъективизации посредством настоящего исторического проявляется в переводе К. Чуковского, при этом в процессе редактирования (с 1935 по 1958 г.) количество соответствующих форм в его варианте увеличилось. Приведем часть фрагмента в финальной редакции К. Чуковского, сопоставляя с вариантом М. Энгельгардта, использовавшего, как в оригинале, прошедшее время:

(15) The new boy **took** two broad coppers out of his pocket and **held** them **out** with derision. Tom **struck** them to the ground. In an instant both boys were rolling and tumbling in the dirt, gripped together like cats. <...> Presently the confusion **took form**, and through the fog of battle Tom **appeared**, seated astride the new boy, and pounding him with his fists. "Holler 'nuff!" **said** he.

Незнакомый мальчик **вынул** из кармана два медяка и насмешливо **протянул** их. Том **бросил** их на землю. В следующее мгновение оба мальчика катались и барахтались в пыли, сцепившись, как кошки. <...> Затем схватка **приняла** более определенный характер; в тумане сражения **выделилась** фигура Тома, который **сидел** верхом на своем противнике и **тузил** его кулаками. «Живота или смерти?» – **спрашивал** он (пер. М. Энгельгардта);

Чужой мальчик **вынимает** из кармана два больших медяка и с усмешкой **протягивает** Тому. Том **ударяет** его по руке, и медяки **летят** на землю. Через минуту оба мальчика **катаются** в пыли, сцепившись, как два кота. <...> Наконец неопределенная масса **принимает** отчетливые очертания, и в дыму сражения **становится видно**, что Том **сидит** верхом на враге и **молотит** его кулаками. «Проси пощады!» – **требует** он (пер. К. Чуковского).

Знакомство Тома с мальчиком-франтом и последующая драка – наглядные, динамичные сценки, представленные то с точки зрения Тома, то с позиции сопresentствующего наблюдателя, перемежаемые диалогами, которые читатель словно «слышит» вместе с персонажами. Вариант К. Чуковского «вовлекает» читателя в описываемую ситуацию, приближает к нему дейктический центр нарратива. Решение К. Чуковского не уникально, сцену драки «украсили» формами настоящего исторического Е. Кудашева и Н. Дарузес:

(16) Скоро неразбериха прояснилась, и сквозь дым сражения стало видно, что Том оседлал нового мальчика и **молотит** его кулаками (пер. Н. Дарузес);

Кричи «довольно!» – а тумачи так и **сыпятся** (пер. Е. Кудашевой).

Однако для К. Чуковского использование Praesens Historicum стало частью последовательной стратегии. Влияние на нее могли оказать, на наш взгляд, безглагольные «рemarkи», соседствующие в оригинале с диалогами и «прочитываемые» в презенсе (как известно, роман начинается с них: “Tom!” – *No answer*. – “Tom!” – *No answer*). Частотность использования форм настоящего исторического и безглагольных конструкций в первой главе романа (исключая диалоги) представлена в таблице 2.

На фоне других выделяются переводы Л. Гольдмерштейна и С. Ильина, однако даже первая версия К. Чуковского превосходит их по количеству конструкций в презенсе почти вдвое. В 1958 г. общее количество таких элементов в первой главе романа в переводе К. Чуковского выросло в два раза: настоящее историческое тесно взаимодействует с персонажными дейктиками и создает яркие «картины» событий: читатель становится зрителем, почти участником игр, потасовок, проказ Тома.

Напротив, среди ранних переводов романа есть несколько таких, в которых установка на использование прошедшего времени при описании событий сюжета охватывает и интерпретацию некоторых безглагольных «рemarkок» оригинала (см. табл. 2), например:

(17) Том! Ответа **не было**. Том! Ответа опять **не было** (анонимный перевод, 1918).

В этом случае можно говорить о дистанцировании дейктического центра повествования при переводе. Такие явления связаны с индивидуальными решениями переводчиков, обусловленными, на наш взгляд, представлением о традиционном нарративе в прошедшем времени (безглагольные «рemarkи», драматизирующие повествование у М. Твена, выступают на фоне такой традиции экспериментальным приемом). Однако подобные решения немногочисленны. Именно стремление большинства переводчиков воспроизвести специ-

фику авторских приемов субъективизации и драматизации нарратива приводит к появлению в русских версиях романа настоящего исторического – формы, входящей в нормативный репертуар средств, «приближающих» читателя к хронотопу повествования.

**Опущения и вставки
анафорических элементов
в русских переводах**

В нарративе слова *this / that – э́том / то́м* реализуют преимущественно анафорическую функцию, отсылая к уже упомянутым объектам и явлениям. Рассмотрим переводы романа в контексте указанной Я. Мейсоном и А. Шербан возможности предпочтения «приближающего» (*э́том*) или «дистанцирующего» (*то́м*) показателя. Сплошной подсчет соответствующих местоимений в оригинальном тексте М. Твена подтверждает наши наблюдения о субъективированном характере повествования: в речи нарратора «приближающие» указательные местоимения преобладают (соотношение 3 : 2, в частности 181 *this* при 127 *that*). Тенденции, обнаруженные в русских переводах, связаны как с языковыми, так и с текстовыми условиями. Регулярная передача слова *this* как *э́то* (*э́том*, *э́та*) наблюдается у переводчиков,

склонных к калькированию конструкций оригинала (например, у С. Воскресенской, М. Энгельгардта), в то время как создатели более свободных версий перевода (К. Чуковский, Н. Дарузес, С. Ильин, А. Климов) интерпретируют соответствующие смыслы с опорой на контекст, нередко опуская слово *э́том* в конкретном сочетании, но добавляя его в ближнем окружении предложения. Действительно, слова *э́том / то́м* далеко не всегда являются наиболее точными русскими коррелятами указательных английских местоимений. Как показано О.Л. Муковским, семантика соответствующих элементов может передаваться при помощи порядка слов, других лексем [Муковский, 2015, с. 51]. Слова *э́том* и *то́м* могут добавляться переводчиками там, где контекст предполагает такую возможность. Количественная характеристика использования указательных местоимений в оригинале и переводах первой главы романа представлена в таблице 3.

В таблице показано взаимодействие языкового и текстового факторов интерпретации сочетаний с указательными местоимениями: с одной стороны, переводчики опускают их или используют альтернативные возможности русского языка для передачи значений оригинальных сочетаний (например, при помощи

Таблица 2. Представленность форм настоящего исторического и конструкций с нулевой связкой в оригинале и переводах первой главы романа

Table 2. The number of the verbs in historic present and sentences with zero copula in the original and in the translations of the 1st chapter of the novel

Источник	Глагольные формы в Praesens Historicum и номинативные предложения с нулевой связкой
Оригинал	5 (только конструкции с нулевой связкой)
Воскресенская С., 1896	6
Гольдмерштейн Л., 1898	9
Николаева М., 1901	2
Исполатов В., 1904	3
Анонимный перевод, 1907	2
Кудашева Е., 1911	6
Энгельгардт М., 1911	4
Анонимный перевод, 1918	0
Журавская З., 1919	5
Чуковский К., 1935	19
Чуковский К., 1958	39
Дарузес Н., 1948	6
Ильин С., 2011	12
Климов А., 2012	7

местоимения *такой*), с другой стороны, они добавляют в свой текст преимущественно «приближающие» указательные местоимения, следуя общей тенденции к вовлечению читателя в события повествования, причем более активно изменяют текст К. Чуковский, Н. Дарузес, С. Ильин и А. Климов. Проиллюстрируем вышеприведенную статистику несколькими примерами. М. Энгельгардт воспроизводит конструкцию с анафорическим местоимением практически дословно, тогда как К. Чуковский перестраивает ее:

(18) **This new interest** was a valued novelty in whistling, which he had just acquired from a negro. –

Это новое увлечение относилось к интереснейшему способу свиста, которому научил его один негр (пер. М. Энгельгардта);

Том в настоящее время увлекся одной драгоценной новинкой: у знакомого негра он перенял особую манеру свистеть (пер. К. Чуковского)⁵.

Вставки слова *этот* обнаруживаются в переводах там, где наиболее интенсивно проявляется внутренняя фокализация, например:

(19) Чем дальше разглядывал он **это дивное диво**, чем выше задирает нос перед его франтовством, тем более и более убогим представлялось Тому собственное облачение (пер. С. Ильина).

Таким образом, если языковой фактор обуславливает пропуск «приближающих» местоимений, то фактор текстовый побуждает переводчиков этот пропуск компенсировать. В итоге в русских переводах романа изобилуют не только дейктики, но и «приближающие» указательные местоимения в анафорической функции.

Выводы

Результаты текстового и количественного анализа русских переводов романа М. Твена «Приключения Тома Сойера» позволяют подтвердить действие трех факторов, обуславливающих интерпретацию дейктических и анафорических элементов. Это языковой фактор, позволяющий переводчикам задействовать репертуар дейктиков и анафорических единиц, а также заменять эти элементы другими средствами, избегая некорректных или калькирующих конструкций. Это лингвостилистический фактор, способствующий выбору определенных средств в случае их распространенности в рамках литературной традиции. Это текстовый фактор, детерминирующий применение определенной переводческой стратегии для того, чтобы раскрыть, акцентировать осо-

Таблица 3. Вставки и опущения анафорических указательных местоимений в переводах первой главы романа

Table 3. Added and omitted anaphoric demonstrative pronouns in the translations of the 1st chapter of the novel

Источник	<i>This</i>	<i>That</i>	Нет в оригинале, добавлены в переводе
Оригинал	4 <i>this</i>	4 <i>that</i>	–
Воскресенская С.	3 <i>этот</i> 1 опущено	3 <i>этот</i> 1 переведено иначе	3 <i>этот</i>
Энгельгардт М.	3 <i>этот</i> 1 опущено	2 <i>этот</i> 2 опущены	2 <i>этот</i>
Чуковский К.	4 опущены	3 опущены 1 переведено иначе	6 <i>этот</i> 3 <i>тот</i>
Дарузес Н.	1 <i>этот</i> 2 опущены 1 переведено иначе	3 опущены 1 переведено иначе	7 <i>этот</i> 4 <i>тот</i>
Ильин С.	2 <i>этот</i> 2 опущены	3 опущены 1 переведено иначе	4 <i>этот</i> 2 <i>тот</i>
Климов А.	2 <i>этот</i> 2 опущены	4 опущены	2 <i>этот</i> 4 <i>тот</i>

Примечание. Обозначения *этот* / *тот* в таблице указывают на использование соответствующего указательного местоимения в форме любого рода, числа, падежа.

бенности оригинального текста и донести их до новой аудитории. Перечисленные факторы в совокупности влияют на формирование набора тенденций, среди которых доминирует приближение дейктического центра повествования к читателю в русских переводах. Оно осуществляется посредством конденсации «приближающих» дейктиков (*здесь, сейчас, сегодня, нынче* и т. п.), замены ряда форм прошедшего нарративного в повествовании формами настоящего исторического и добавления «приближающих» анафорических элементов *это (этой, эта, эти)* в фокализованных контекстах повествования. Все эти переводческие решения актуализируют авторские приемы организации субъективированного нарратива, заключающиеся в активном использовании персонажных дейктиков, в снабжении диалогов безглагольными «ремарками» в презенсе и в целом в широком привлечении разнообразных эгоцентриков, «приближающих» точку зрения повествователя к позиции фокальных персонажей. Сопоставляя русские переводы романа друг с другом, можно выявить версии, где установка на акцентирование авторских приемов порождает продуманную переводческую стратегию, последовательно реализуемую в тексте. Оставляя за рамками научного анализа критические оценки переводов, отметим, что эти версии снижали популярность среди незрелых читателей. Расширяя контекст исследования, подчеркнем, что тенденции к «приближению» дейктического центра регистрируются и на материале русских интерпретаций других англоязычных нарративов (переводов книг П. Трэверс, К.С. Льюиса и др. [Urzha, 2016]), однако это явление во всех случаях оказывается результатом сложного взаимодействия ряда перечисленных факторов и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В русской научной традиции это явление нередко называют вторичным дейксисом (в сопоставлении с дейксисом речевого общения) [Апресян, 1986].

² Я. Мейсон и А. Шербан отмечают, что в 11 типовых фрагментах по 4500 слов обнаружено 136 «дистанцирующих» изменений указательных

местоимений при 55 «приближающих» изменениях. Исходное количество дистанцирующих элементов в переводе на английский удвоилось, тогда как 25 % исходных «приближающих» дейктиков оказалось заменено «дистанцирующими», а 15 % – опущено [Mason, Şerban, 2004, p. 277–279].

³ Оригинальный текст цитируется по первому авторизованному изданию: *The Adventures of Tom Sawyer*. Chicago, Ohio: The American Publishing Company, 1876. 298 p.

⁴ Данные о тринадцати русских переводах романа «Приключения Тома Сойера» и четырех редакциях перевода, выполненных К.И. Чуковским, размещены на исследовательском сайте А.В. Уржи (URL: http://urzha.ru/?page_id=1649).

⁵ Редактируя текст, К. Чуковский последовательно избавлялся от калькирующих конструкций. Если в версии 1945 г. мы еще встречаем фразу *Он ушел, но уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстеречь того мальчика* (ср. *that boy*), то в редакции 1958 г. она изменяется: *Том ушел, но уходя, пригрозил, что будет бродить поблизости и задаст ее сыночку как следует*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1986. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. С. 5–33.
- Виноградов В. В., 1971. О теории художественной речи. М.: Высш. шк. 240 с.
- Мельник О. Г., 2017. Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 46. С. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/46/3>.
- Муковский О. Л., 2015. Количественные и функциональные характеристики анафоры и дейксиса в английском, испанском и русском языках // Научное мнение. № 2-1. С. 47–59.
- Падучева Е. В., 2010. Семантические исследования. М.: Яз. слав. культуры. 480 с.
- Падучева Е. В., 2018. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК. 440 с.
- Goethals P., De Wilde J., 2009. Deictic Center Shifts in Literary Translation: The Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal* // *Meta*. Vol. 54, № 4. P. 770–794. DOI: <https://doi.org/10.7202/038903ar>.
- Levinson S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.
- Lynch P., 2006. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in *Tom Sawyer* and *Huckleberry Finn* // *Studies in the Novel*. Vol. 38, № 2. P. 172–186.

- Mason I., Şerban A., 2004. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English // *Target*. Vol. 15, iss. 2. P. 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>.
- Royster J. F., Thompson S., 1919. *Guide to Composition*. Chicago: Scott, Foresman and Co. 204 p.
- Urzha A. V., 2016. The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th century) // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 5, № 1. P. 226–248. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2016.5.1.9>.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1986. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira [Deixis in Lexis and Grammar and Naive Model of the World]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], iss. 28, pp. 5-33.
- Vinogradov V.V., 1971. *O teorii khudozhestvennoy rechi* [About the Theory of Literary Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 240 p.
- Melnik O.G., 2017. Rol deyksisa v interpretatsii khudozhestvennogo proizvedeniya [The Role of Deixis in the Interpretation of a Literary Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 46, pp. 31-42. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/46/3>.
- Mukovskiy O.L., 2015. Kolichestvennye i funktsionalnye kharakteristiki anafory i deyksisa v angliyskom, ispanskom i russkom yazykakh [Quantitative and Functional Characteristics of Anaphora and Deixis in English, Spanish and Russian]. *Nauchnoye mnenie* [Scientific Opinion], no. 2-1, pp. 47-59.
- Paducheva E.V., 2010. *Semantika narrativa* [Semantics of the Narrative]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 480 p.
- Paducheva E.V., 2018. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Language Units]. Moscow, YaSK. 440 p.
- Goethals P., De Wilde J., 2009. Deictic Center Shifts in Literary Translation: The Spanish Translation of Nooteboom's *Het Volgende Verhaal*. *Meta*, vol. 54, no. 4, pp. 770-794. DOI: 10.7202/038903ar.
- Levinson S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press. 420 p.
- Lynch P., 2006. Not Trying to Talk Alike and Succeeding: The Authoritative Word and Internally-Persuasive Word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn. *Studies in the Novel*, vol. 38, no. 2, pp. 172-186.
- Mason I., Şerban A., 2004. Deixis as an Interactive Feature in Literary Translations from Romanian into English. *Target*, vol. 15, iss. 2, pp. 269-294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>.
- Royster J.F., Thompson S., 1919. *Guide to Composition*. Chicago, Scott, Foresman and Co. 204 p.
- Urzha A.V., 2016. The Foregrounding Function of Praesens Historicum in Russian Translated Adventure Narratives (20th Century). *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 226-248. DOI: <https://doi.org/10.31168/2305-6754.2016.5.1.9>.

Information About the Author

Anastasia V. Urzha, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Faculty of Philology, 119991 Moscow, GSP 1, Russia, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Информация об авторе

Анастасия Викторовна Уржа, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>